

А. Барков

СНЕГ ПОЁТ

издательство "Малыш" 1966

Полоса 7

Художник Н. Устинов

Александр Сергеевич Барков
СНЕГ ПОЁТ

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редактор М. Вехова Художественный редактор Д. Пчёлкина
Технический редактор С. Ближневский Корректоры Н. Пьянкова, Н. Сендерова
Подписано к печати 23/XI-1966 г. Бумага 60X90, Печ. л. 3 Уч.-изд. л. 2,65 Зак. № 1432
Изд. № 271 Тираж 150 000
По оригиналам издательства «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Московский комбинат бумажных изданий Главного Управления промышленности по производству игрушек «Росгазлитгума» Министерства лёгкой промышленности РСФСР
Москва, Асеевская, 30.

Фабрика офсетной печати № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Дмитров Московской области, Московская, 2

МОРОЗ-ХУДОЖНИК

Внашей комнате на стене висят оленьи рога — большие, ветвистые. Как-то зимой Люся вернулась с прогулки, присмотрелась к окну и воскликнула:

— Мамочка, на стекле кто-то нарисовал оленьи рога!

— Это мороз! — ответила мама.

— Разве мороз рисовать умеет? — удивилась Люся.

Мама подвела дочку к зеркалу и сказала:

— Полюбуйся, как тебя на дворе мороз разукрасил!

Смотрит Люся в зеркало: нос стал похож на морковку, щёки — на два румяных яблока, а подбородок — на спелую малинку. И вправду. мороз — художник!

КИРЮША В СУГРОБЕ

Снежинки носятся в воздухе, пушистые, лёгкие, быстрые... Попробуй-ка, догони их! Незаметно, будто невзначай, забираются они Кирюше за ворот полшубка и тают.

Всё в снегу: деревья, забор, старая голубятня... Мороз крепчает, и сугробы на дворе становятся похожими на белых верблюдов...

Кирюша самый отважный... Он забрался на крышу сарая и разгуливает по ней гордо, как молодой петушок. Ловит языком снежинки.

А внизу стоят ребята, хлопают в ладоши и считают:

— Раз...

два...

три...

Кирюша взмахнул руками, разбежался... Но у самого края крыши споткнулся и рухнул головой прямо в сугроб. Да так, что наверху остались торчать только косолапые валенки.

С трудом выкарабкался и стал похож на пухлого снеговика.

А кругом смеются и спрашивают:

— Больно?

Голова гудит... Кирюша надул губы, хотел заплакать....

А ребята кричат:

— До школы заживёт!

— Ай да Кирюша-космонавт! Мёртвую петлю запросто крутит!

Кирюша не выдержал, рассмеялся, и сразу боль как рукой сняло...

С тех пор на нашем дворе как кто-нибудь из ребят плакать захочет, вспомнит Кирюшу и улыбнётся...

ПТИЧЬЯ АЗБУКА

Раннее утро. На снегу, на заборе, на ветках рябины сидят пузатые красногрудые птицы в чёрных беретиках. Их песня похожа на морозный скрип саней.

— Дедушка! — зовёт Люся. — Смотри, какие красивые!

Дедушка не спеша закуривает трубку и выпускает из-под усов облачко голубоватого дыма.

— По первому снегу пожаловали снегири. А вон, видишь, у калитки сухие репы будто зацвели... Это на них щеглы сели. Беда птицам зимой. Холодно. Голодно. Давай-ка мы с тобой птицам поможем. Смастерим кормушку, насыплем туда подсолнухов, конопли, сухарей толчёных... Птицам и радость!

Сорвался с ёлки ком рыхлого снега, бесшумно упал на репы. Закачались репы, вспорхнули птицы, и сад наполнила весёлая, несмолкающая зимняя песнь щеглов.

Посмотрела Люся на снег, а он расписан забавными крестиками, стежками, ёлочками.

— Деда, что это?

— Здесь птицы прыгали... наследили.

Вырезала Люся лопаткой снежные кубики с птичьими следами. Сложила их на скамейке один к другому. Получилась птичья азбука.

РУССКИЙ ПОПУГАЙ

Дед Архип вечно что-то мастерит... То полку для книг, то лестницу для погреба. Теперь он сидит в сарае и делает клетку, а внучку сказал:

— Есть, Андрейка, такая пичуга, „русский попугай“ называется...

— Ну да?!

— Скоро увидишь...

И верно, на другой день принёс дед из леса красную птицу с толстым крючкова-тым клювом...

— Клёт! — сказал он. — Циркач и клоун. Мёртвую петлю делает. Зацепится клювом за ветку, и точно

попугай вниз головой висеть может... Вот и прозвали его „русский попугай“.

Первое время клёт долго лазил по железным прутьям вверх-вниз — искал выхода на свободу. Но через неделю привык.

По утрам, когда сизый мороз крепко шипал нос, Андрей, забыв надеть полушубок, летел через глубокие сугробы в лес, чтобы набрать полные карманы шишек. За такие проделки ему влетало от деда.

А клёт хватал шишку клювом-щипцами, цепко зажимал в лапах-тисках и принимался бойко лущить. А потом, насытившись, звонко цокал и свистел на всю избу.

Однажды, когда жарко натопили печку, клёст нахохлился и спрятал голову под крыло.

— Что с ним? — спросил Андрей.

— Лес вспомнил и заскучал, видно, — ответил дед. — Клесту лютый мороз нипочём. В иную зиму даже птенца вывести умудрится.

Перед завтраком Андрей выбежал из дому раздетый. Дед рассердился и запер Андрейку, а сам пошёл к сараю — сбрасывать снег с крыши.

Внук надулся, подпёр кулаком подбородок и стал смотреть в окно: „Вон Петька Вдовин обновляет лыжи. Малыши лепят снежную бабу. А Вовка Синицын стоит возле точильщика, смотрит, как тот правит бритвы, точит ножи, топоры. Всем весело, здорово! А мне целый день одному дома торчать...“

Закусил губу Андрей, отвернулся от окна и стал наблюдать за птицей. Глядит на неё и думает: „Наверное, и клесту одному сквозь решётку на белый свет смотреть тошно“.

К обеду дед вернулся домой. Андрей подошёл к нему и сказал, что „такого, как перед завтраком“ больше с ним никогда не случится.

Накинул полушубок на плечи и понёсся в лес выпускать „русского попугая“.

СНЕГ ПОЁТ

Всю ночь падал снег. Белой шубой укрылись кусты акации и сирени; изба надела на глаза пушистую голубую шапку и словно ушла глубоко в землю. пышные бороды выросли на проводах.

Под утро снегопад кончился. Потянул тёплый ветер. Начало припекать солнце. На дворе засверкали лужи, а в них купаются голуби-сизари... Важные, нахохленные... бегают друг за другом, воркуют...

С северной стороны на сугробах у перекрёстка дорог снег стал твёрдым и, оседая, поскрипывает, как речной песок; с южной — прорезались глубокие, тёмные ложбинки, а в них что-то ожило, зазвенело, загомонило...

Люся прислушалась и спросила:

— А снег поёт?

— Да, — ответил дедушка. — Мороз обмяк, весна песню затягивает.

БЕЛАЯ ЛАЗОРЕВКА

редкая это синичка! Белая, с голубыми пятнами на спине и крыльях, с узкой синей полосой поперёк шейки и коротким розовым клювом.

Люся нашла её под тополем после весеннего града. Мокрая, растрёпанная, синица сидела на земле нахох-

лившись и прятала голову под крыло. Люся принесла её домой, и птичка начала оживать: сперва она высунула из-под крыла головку, осмотрелась, потом вспорхнула на спинку стула и принялась чиститься.

— Дочка, не тревожь птицу сегодня, пусть она выздоравливает, — посоветовала мама. — Иди-ка лучше гулять.

На другой день синица повеселела, стала бойкая,

даже несколько раз пропела свою звонкую песенку.

Люся радовалась: какая красивая птичка, какая быстрая, ловкая, а как поёт! Увидит синица муху на стене, сорвётся с места, поймает, сядет на шкаф с книгами и лакомится. Каждый угол в комнате проверила. Тюкнула клювом солнечный зайчик на ковровой дорожке и принялась хозяйничать: то на вазочку с вареньем залезет, то на лампочке повисит, то в горшке с цветами начнёт землю ковырять... Так и хлопотала до самого вечера. Утром разбудило Люсю тёплое майское солнце. Открыла она глаза, протёрла их кулачком и спрашивает у мамы:

— А где синичка?

— Знаешь, дочка, уж очень синица в окно билась. Верно, своих подруг заметила. Открыла я форточку и выпустила её.

Загрустила Люся, не стала завтракать — хотелось ей скорее в сад бежать, синицу искать. Да где уж там — птички и след простыл.

— Не горюй, — успокаивала её мама. — Вот увидишь, прилетит ещё к нам наша синичка.

Однажды летом мама открыла окно, а с вершины тополя доносится знакомая песенка.

— Мам, мамочка, смотри!.. — обрадовалась Люся. — Наша синичка!

Мама внимательно присмотрелась и увидела порхающую в листве белую лазоревку. За ней — другую, и ещё целый выводок светло-серых птенчиков.

— Это наша синичка прилетела, хочет нам своих деток показать. Спасла ты её от холода весной. Свила она гнездо в кустах и вывела птенчиков. А теперь начала их учить летать. Вот и навестила наш тополь.

ТЮЛЬПАНЫ

У нас в саду весной распускаются красные и жёлтые тюльпаны. Мама срезает цветы, делает букет. Ставит его в хрустальную вазочку на веранде. Когда дует ветер, тюльпаны покачивают головками, словно зовут кого-то...

Люся выбежала на веранду, запрыгала, заплясала. Потом взглянула на цветы, притихла и спросила у мамы:

— Кого зовут тюльпаны?

— Давай отойдём в сторонку и посмотрим.

Мама с дочкой пошли в сад, сели на скамейку и стали наблюдать за цветами. К тюльпанам подлетел чёрный плюшевый шмель, загудел, вошёл в цветок, словно в мягкую колыбель, и сразу притих. Белая бабочка капустница присела на один бутон, потом перепорхнула на другой и унеслась в огород. Потом пчела...

— Догадалась, кого зовут тюльпаны? — спросила мама.

— Шмеля, бабочку, пчелу...

— Правильно.

Мама взяла дочку за руку и пошла с ней гулять в поле.

После обеда Люся уснула. Ей приснились тюльпаны в хрустальной вазочке на окне. Над ними порхали жёлтые, красные, голубые бабочки, вились и медоносно гудели пчёлы.

Тюльпаны звали Люсю, приветливо кивали головками и даже... улыбались ей.

БУЛЬКА

юся с мамой пошли гулять к лесу и слышат — мычит кто-то: му-му. Смотрят, а это телёнок Булька, весь чёрный, а на лбу две белые заплатки.

Подошла к нему Люся и спрашивает:

— Что ты хочешь, Буленька?

Услышал телёнок ласковые слова и ещё громче мычит: му... му...

Нарвала Люся травы и подаёт ему: — На, Булька!

А телёнок носом тычется, но траву не трогает.

— Булька сыт, дочка. Он траву не будет кушать... Видишь, сколько её на лужайке растёт.

— Мам, а почему над ним мухи хороводом вьются?

— Булька сладкий. Его каждый день корова Бурёнка языком вылизывает.

— А почему он всё мычит му... му...

— Ну-ка, скажи, что ты любишь за завтраком пить?

— Молочко...

— Вот и телёнок... му... му... молока просит.

ОРЕХИ НА ЧЕРЁМУХЕ

етние дни пролетели незаметно. Сад стоит тихий, опустевший.

Ночью дождь гулко барабанил по крыше.

Порывистый ветер рвал листья, гнул сучья. Трещали и скрипели стволы деревьев.

С рассветом дождь перестал. Солнце лениво пробилось сквозь цепочку серых туч, похожих на паровозный дымок. Под окнами запели скворцы. В их прощальных песнях слышится и радость, и грусть.

Егорка выскочил из дома. Запрыгал по дорожке. На песке остались глубокие следы. Остановился Егорка возле калитки. Забор погнула черёмуха. Старая, дуплистая, она навалилась на него, будто прилегла отдохнуть.

Егорка потряс мокрый, шершавый ствол, словно попросил дерево: „Хватит лежать — поднимайся!“ Вдруг откуда-то на него орехи посыпались.

Один... Другой... Третий...

— Дедушка, — позвал Егорка, — на черёмухе орехи выросли!

Не спеша дед подошёл к черёмухе, как опытный доктор, ощупал и осмотрел её. Сунул руку в дупло — и на его широкой морщинистой ладони появились орехи...

— Чудеса на свете творятся...— лукаво улыбнулся в усы дед.

Вдруг видят дедушка и Егорка — по траве к черёмухе бельчонок скачет. Заметил непрошенных гостей, встал на задние лапки, да как рассердится, как зацокает: „По какому такому праву мои орехи трогаете?“ Дед приложил палец к губам, спрятались они с Егоркой за кустами смородины. Бельчонок успокоился, мелкими скачками стал приближаться к черёмухе. Прыгнет, останется, головку вытянет — воздух понюхает.

Схватил зубами орех — и стрелой назад.

— Бельчонку теперь каждая минута дорога,— сказал дед. — Надо успеть до снега в новую кладовую запасы перетаскать. А то черёмуха, гляди, совсем повалилась. Старая она... Бельчонку другая квартира нужна.

ОСЕННИЙ САД

ябины гнутся под тяжестью спелых ягод. Над ними со свистом проносятся стаи серых дроздов. Клёны озябли и пожелтели. Осины лепечут алыми листьями тихо и грустно.

Люся и дедушка подошли к скамейке возле старой антоновки. Внучка подняла голову и увидела юркую голубовато-серую птицу, бегущую по стволу.

— Поползень хозяйничает, сад к зиме в порядок приводит... — заметил дедушка.

Поползень обшарил дерево. На мгновенье замер на месте, отыскал в коре гусеницу, перевернулся вниз головой и исчез. Зашелестел ветерок. Дрогнул, затре-

петал лист на верхней ветке, нежный, как птичье пёрышко. Ветка качнулась, что-то оторвалось от неё и полетело вниз. Упало яблоко, гулко ударилось о землю.

— Ура! — крикнула Люся и бросилась поднимать яблоко. Твёрдое, мокрое, оно будто холодом обожгло ей пальцы.

— Антоновка — осеннее солнце! — сказал дедушка.

ЛЕТО НА ВЕРЁВОЧКЕ

Знакомой тропой Люся и дедушка идут гулять к реке Серебрянке мимо сарая, доверху заваленного берёзовыми дровами, мимо старой липы с чёрными опустевшими грачиными гнёздами, мимо кряжистого пня, обросшего серыми тугими копытцами грибов-трутовиков.

Опавшие листья, тёмные стебли крапивы, прибитые к земле холодной росой, похрустывают под ногами.

А кругом тишина. Только звонко перекликаются синицы: пинь... пинь... трр... ах.

В воздухе пахнет горькой полынью, пряной мятой и свежестью.

— Деда... что там за верёвочка на небе?

Вверху, тяжело и устало махая крыльями, летели птицы.

— Журавли пошли в отлёт. Лето за собой волокут.

— А куда?

— В жаркие края уносят. Туда, где не бывает зимы.

Люся остановилась, сорвала с головы платок и помахала на прощанье журавлям и лету.

